479. Стать сомом

«Перед тем, как пригласить тебя на программу, я заметила в интернете множество высказываний…»

Шэнь Шулин пристально смотрела на Лу Чэня своими раскосыми глазами. Её голос всё время ласкал слух, но её речь вряд ли можно было считать нежной и безобидной.

«Кто-то в блоге написал, что ещё потребуется время, чтобы узнать, сумеет ли установленная правительством Гонконга политика поддержки вернуть былое величие гонконгскому кинематографу, однако эта политика, прежде всего, привлекла внимание “волков” и это, несомненно, станет ударом для гонконгских кинокомпаний, а дальше конкуренция будет только ужесточаться».

«Кое-кто предложил правительству обязательно внести поправки в политический курс, чтобы наложить ограничения на чужеземные компании».

«В таком случае, Лу Чэнь, считаешь ли ты себя членом волчьей стаи, иначе говоря, что ты думаешь на этот счёт?»

На шоу «Развлекательная беседа трёх человек» Шэнь Шулин являлась ведущей. Она направляла разговор в нужное русло. Может, она и не придерживалась какого-то определённого мнения и занимала нейтральную позицию при взаимодействии с гостями, однако это вовсе не означало, что она не может коснуться острых тем. Напротив, она явно осознанно накаляла атмосферу, создавая поле для конфликтов и споров.

Данная тема была изначально упомянута Чжуан Дуном. Он, безусловно, был на стороне общественного мнения. А когда он заметил, что Шэнь Шулин попыталась вовлечь Лу Чэня в спор, на его лице тут же показалась холодная улыбка, словно он собирался сейчас лицезреть интересное представление.

В глазах Чжуан Дуна Лу Чэнь был слишком юн, а юность подразумевала недостаток жизненного опыта, отсутствие дальновидной расчётливости и способности адаптироваться к новым условиям. К тому же Лу Чэнь только недавно прибыл из материкового Китая и определённо мало что знал о Гонконге.

Вопрос Шэнь Шулин был весьма заковыристым, вдобавок затрагивал чувства гонконгцев. Если ответ Лу Чэня будет недостаточно подобающим, то на этом вечернем ток-шоу он потерпит поражение.

Иными словами, Чжуан Дун одержит лёгкую победу без боя.

По правде говоря, было как-то неловко одерживать слишком лёгкую победу…

Чжуан Дун даже испытывал лёгкое сожаление, ведь победу можно считать настоящей только тогда, когда ты раздавил противника в горячем бою.

Лу Чэнь немного призадумался.

Казалось, будто этот вопрос поставил его в тупик. Это привело Чжуан Дуна в ещё больший восторг.

А сидевшие перед экранами телевизоров зрители испытывали совершенно другие чувства.

Младшая сестра А Кана пожаловалась: «И правда, зачем задавать такие неудобные вопросы, как на них отвечать?»

Ей действительно приглянулся привлекательный Лу Чэнь. Она инстинктивно болела за него.

А Кан сочувствовал Лу Чэню, так как если бы он на месте последнего подвергся такому допросу, то, пожалуй, выступил бы намного хуже.

В глубине души А Кан тоже в некоторой степени придерживался мнения про “волчью стаю”. На работе он частенько слышал от коллег, какая сейчас нестабильная ситуация на рынке, какие высокие цены и какое дорогое жильё – и всё это по большей части происходило по вине материкового Китая.

Материковые компании отнимали бизнес гонконгских компаний, жители материка, приезжая в Гонконг, безудержно покупали товары и обзаводились недвижимостью…

А теперь они добрались и до кинематографа. Неизвестно, о чём думало правительство Гонконга и почему оно не сильно заботилось о местных жителях…

В голове А Кана царила сумятица, а в следующий миг он подумал о Сяо Вэй.

Интересно, она рассердилась бы, узнай о его мыслях?

А в этот момент на экране телевизора начал говорить Лу Чэнь.

У него был серьёзный вид: «Я думаю, что я и другие материковые компании вовсе не волки…»

«Если уж проводить аналогию с животными, то я бы согласился стать сомом».

«Сомом?»

Шэнь Шулин изумилась: «Почему ты хочешь стать сомом?»

Это сравнение казалось любопытным и вместе с тем странным.

Лу Чэнь слегка улыбнулся. Его яркая, жизнерадостная улыбка привела Шэнь Шулин в некоторый трепет.

Он сказал: «Сперва я расскажу небольшую историю».

«Давным-давно норвежцам очень нравилось питаться сардинами, особенно свежими сардинами, но в то время не существовало аэраторов, то есть таких устройств, которые поддерживали бы кислород в воде и не давали рыбам задохнуться. Для ловли сардин рыбаки выходили далеко в море, обратный маршрут занимал много времени, а хранившиеся в трюме сардины не слишком любили проявлять какую-либо активность, поэтому по возвращении в порт они зачастую умирали и их уже нельзя было продать по высокой цене».

«Однако люди заметили, что один рыбак привозил с собой много живых сардин и всегда мог продавать их по высокой цене. Эта тайна была раскрыта только после смерти рыбака».

Лу Чэнь своей историей держал всех в напряжении. Он не только заставил внимательно слушать Шэнь Шулин, но и разжёг любопытство в Чжуан Дуне – последний хотел узнать, какой же трюк собирался выкинуть Лу Чэнь!

Лу Чэнь продолжал: «Оказывается, этот рыбак держал в трюме сома. Когда среди сардин появлялся свирепый чужак, они инстинктивно начинали активно двигаться и уворачиваться, сохраняя при этом жизненную силу, в итоге многим удавалось дожить до прибытия в порт».

После окончания истории Шэнь Шулин, Чжуан Дун и многие зрители, сидевшие перед телевизорами, смутно кое-что поняли.

Сюда входили и зрители, присутствовавшие на записи программы. В телестудии воцарилась глубокомысленная атмосфера.

Лу Чэнь до сих пор продолжал: «Могу сказать, что я вырос на гонконгских фильмах и сериалах. В основном это гонконгские фильмы 90-х, среди которых множество поистине классических произведений, например, Барристер, Герой Гонконга, Великое спасение».

Шэнь Шулин сказала со смехом: «Так ты точно фанат Лю Ганшэна!»

Лу Чэнь тоже рассмеялся и кивнул, откровенно сказав: «Ага, одно из желаний, которые я хотел бы исполнить по прибытии в Гонконг, это встретиться со своим кумиром и хотя бы перекинуться с ним парой слов».

Шэнь Шулин улыбнулась: «Так твоё желание вполне можно осуществить!»

Уважение и преклонение, которые Лу Чэнь проявлял по отношению к Лю Ганшэну, позволили телезрителям мигом преисполниться некоторой симпатией к Лу Чэню.

Лю Ганшэн заслуженно считался символом упорства и вдохновения. Невозможно сосчитать, для скольких молодых людей Гонконга его легендарная биография послужила толчком для упорной борьбы. Его песни и фильмы имели глубокое влияние в Гонконге.

Лу Чэнь произнёс: «Раньше гонконгские классические фильмы и сериалы крутились в материковом Китае, где добились крупных кассовых сборов и высоких рейтингов. Особенно это касалось сериалов, когда люди огромными группами собирались, чтобы их посмотреть. Тем не менее какую сейчас долю рынка занимают гонконгские фильмы и сериалы в материковом Китае?»

Уголки рта Лу Чэня растянулись в холодной улыбке. Яростный ответный удар скрывался в его словах: «Насколько мне известно, даже и одной сотой не занимают».

Шэнь Шулин хранила молчание.

Лицо Чжуан Дуна вытянулось. Он хотел возразить, но вдруг понял, что у него нет никаких аргументов.

Потому что Лу Чэнь говорил правду. Некогда великая кино- и телеиндустрия Гонконга уже давно лишилась способности влиять на обстановку в материковом Китае. Оставалось лишь бороться на своём рынке и на рынке Юго-Восточной Азии.

Лу Чэнь беспощадно раскрыл нынешнее положение дел у кинематографа Гонконга. А связав это с его недавней историей, смышлёные люди могли понять, что он хотел сказать тем самым.

Работники гонконгской кино- и телеиндустрии Гонконга, словно зажатые в маленьком трюме сардины, рано или поздно помрут.

Если, конечно, не появится сом, который растормошит их!

http://tl.rulate.ru/book/96733/364926